

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

THANATOLOGICAL MOTIVES IN LITERARY STUDIES

Р.А. Тыщенко

R.A. Tyshchanka

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarussian State University

Minsk, Belarus

e-mail: ruslantiyshchenko99@gmail.com

Данная статья посвящена танатологическим мотивам в литературоведении, классификации данных мотив, а также роль, которую они играют в рамках литературного произведения.

This article is devoted to thanatological motives in literary studies, the classification of these motives, as well as the role they play within literary works.

Ключевые слова: танатологический мотив; литературоведение; смерть; литература.

Keywords: thanatological motive; literary studies; death, literature.

Танатологические мотивы могут занимать значительное место в тексте, быть значимым компонентом сюжета, оказывающим существенное воздействие на его развитие.

Р.Л. Красильников в одной из работ пишет о том, что танатологические мотивы обладают определенной структурой, состоящей из трех единиц: предиката, актанта и сирконстанты. «Эта структура складывается из отдельных минимальных элементов, группирующихся вокруг предикативного ядра, представляющего собой танатологическое событие или действие» [5, с. 65].

«По отношению к простому здоровому смыслу смерть изначально может показаться очевидным событием, которое совсем не требует от человека никаких дополнительных рассуждений и никакого углубленного самокопания. Ведь смерть, по сути своей, это естественный финал всего живого, включая и жизнь человека» [9, р. 16]. Однако, «будучи отрицанием жизни, которая как раз является носителем «здорового смысла», смерть выступает как нечто таинственное, загадочное, уничтожающее все: и человека, и бытие, и все иное, которое невозможно передать только словами» [9, с. 11]. Поэтому смерть непременно является чем-тем, с чем любому человеку необходимо так или иначе считаться, иметь в виду, принимать во внимание, хотя бы по той простой причине, что она оборвет и его собственную жизнь.

Понятие «мотив смерти» или «танатологический мотив» приобрело особую актуальность в танатологических исследованиях литературоведов, только с 1990-х гг. «К нему обращаются Н. Афанасьева, Н. Битколова, Т. Васильчикова, А. Гражданов, И. Канунникова, А. Коновалов, И. Конрад, Т. Куркина, Б. Ланин, В. Лебедева, О. Левушкина и другие» [6, с. 31].

«К носителям денотативного значения танатологического мотива относятся такие структурные компоненты, как актанты (субъекты и объекты действия) и сирконстанты (пространство, время, причина, орудие и др.). От них зависит, какой именно тип мотива смерти будет воплощен в тексте – мотив убийства или самоубийства, «естественной» или насильственной смерти и т.д.» [7, с. 66].

Например, такое событие, как убийство, связано с рядом мелких танатологических мотивов, куда может входить планирование убийства, подготовка орудий убийства, выбор жертвы, само действие, уничтожение улик и т.п.

В состав танатологического мотива обычно входят также коннотативные семы, «связывающие семиотические элементы с ментальными представлениями эпохи, социального слоя, философскими идеями писателя, интертекстуальными реминисценциями, требованиями жанра или стиля и т.п.» [8, с. 47].

Располагаясь в начале произведения, танатологические мотивы могут способствовать завязке действия, выполняя тем самым сюжетопорождающую функцию [7, с. 35]. Их появление в середине произведения часто сигнализирует о повороте сюжета, заставляет героев переосмыслить свою жизнь и приводит к радикальным переменам в их мировоззрении и поступках.

«Существенную роль в разграничении танатологических персонажей играет их отношение к реальности или модальность. В зависимости от того, изображается действующее лицо до момента смерти или после, танатологические актанты могут быть реальными (убийца, жертва, самоубийца и т.п.) или ирреальными (русалки, вампиры и другие «ожившие мертвецы», демонические существа и т.п.)» [1, с. 82].

Проблема типологии танатологических мотивов в настоящее время окончательно не решена. Существует несколько типологий, которые могут оказаться продуктивными при анализе танатологических мотивов.

Специфической именно для танатологических мотивов является классификация, согласно которой они группируются в зависимости от природы смерти. Это в первую очередь ненасильственная («естественная») смерть, которая случается от старости, болезни или несчастного

случая. Она не зависит ни от воли самого умирающего, ни от намерений других людей. Во-вторых, это случаи насильственной смерти, которые также подразделяются на две группы – убийство и самоубийство, отличающиеся тем, кто является причиной смерти. Все они связаны с определенными типами персонажей и отличаются различной мотивацией убийства, которое может быть криминальным или легитимным (война, казнь).

В качестве примера можно привести роман Ф. Достоевского «Преступление и наказание», в котором встречаются почти все вышеупомянутые подклассы. Естественную смерть Ф. Достоевский показал через персонаж Семена Захаровича Мармеладова, который пьяный попадает под колеса барской кареты. Мармеладова успевают отнести домой к своей семье, где он и умирает: «Соня! Дочь! Прости! – крикнул он и хотел было протянуть к ней руку, но, потеряв опору, сорвался и грохнулся с дивана, прямо лицом наземь; бросились поднимать его, положили, но он уже отходил. Соня слабо вскрикнула, подбежала, обняла его и так и замерла в этом объятии. Он умер у нее в руках» [2, с. 116].

Убийство с криминальной мотивацией изображено в начале романа, когда главный герой Родион Раскольников ради денег убивает старуху-процентщицу, а также ее сестру Лизавету: «Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом. Силы его тут как бы не было. Но как только он раз опустил топор, тут и родилась в нем сила» [2, с. 47].

Убийство, произошедшее по воле самого умирающего, было показано через персонаж Аркадия Ивановича Свидригайлова, который совершает самоубийство из-за неразделенной любви: «Он приставил револьвер к своему правому виску <...>. Свидригайлов спустил курок» [2, с. 322].

Опираясь на понятия «пролепсиса» и «аналепсиса», предложенные Ж. Женеттом, принято различать мотивы танатологической рефлексии до момента смерти (пролепсис) и после кончины персонажа (аналепсис) [4]. Важным элементом повествования является нарративная инстанция или позиция, определяющая выбор той или иной точки зрения. Для характеристики танатологических мотивов используется также понятие «модальность», так как смерть в произведении может случиться или не случиться.

Нередко также можно найти случаи, когда смерть встречается в конце литературного произведения, закрывая при этом сюжетную арку главного героя или одного из героев работы. В этом случае «смерть, как и в реальной жизни, показывает собой конечность происходящего»

[10, р. 115]. Конечно, как и большинство смертей в литературных произведениях, смерть даже в конце продвигает повествование. Заканчивая сюжетную линию главного героя, она все еще влияет на общую картину мира, описываемого в произведении.

В качестве примера можно привести пьесу У. Шекспира «Ромео и Джульетта», в которой юные влюбленные, являющиеся главными персонажами произведения, погибают. Однако после гибели их детей семьи Ромео и Джульетты решают закончить свою многолетнюю вражду. Тем самым смерть главных персонажей пьесы заканчивает их сюжетную линию, подводя повествование к тому, что их семьи перестают друг с другом враждовать, что изначально и привело к их смерти.

В качестве очередного примера можно привести роман немецкого драматурга и прозаика П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы», рассказывающем о Жане-Батисте Гренуе, человеке, обладающем феноменально тонким обонянием. Гренуй верит, что обладание этой силой сделает его счастливым, однако когда он показывает миру свой парфюм, он обнаруживает, что его ненависть к человечеству затмевает любое удовольствие, которое он испытывает от своего успеха. Роман заканчивается тем, что Гренуй использует свой парфюм, чтобы совершить самоубийство в Париже, уничтожая при этом и себя, и свою неповторимую работу.

Говоря о произведениях, в которых присутствует танатологический предикат совершения самоубийства, нельзя не отметить творчество У. Шекспира.

«В пьесах У. Шекспира широко представлен концепт самоубийства: в результате трагических коллизий сводят счеты с жизнью как главные, так и второстепенные герои его трагедий» [3, с. 1]. В качестве примера подобных шекспировских персонажей можно привести несчастную Лукрецию, юных Ромео и Джульетту, ревнивого Отелло, а также безжалостную жену Макбета.

Согласно Н.С. Зелезинской, присутствие концепта самоубийства, связывающего немалое количество шекспировских произведений, обусловлено тем, что «во-первых, герои принадлежат к одному типу – типу человека Ренессанса, или титана Возрождения. Во-вторых, оказываются в архетипически одинаковой ситуации, воспринимаемой ими как крах всей жизни и мира. И в-третьих, единственным возможным для себя выбором, позволяющим им идентифицировать свое «Я», видят самоубийство» [3, с. 3].

Также нельзя не отметить факт того, что танатологические мотивы, находящиеся в названии литературного произведения, имеют довольно значимый эффект на потенциального читателя.

Обнаружив в названии произведения характерную танатологическую лексику, человек понимает, что «если и не главенствующим, то одним из наиболее главных и значимых концептов, которые будут прослеживаться в данной работе, будет являться смерть» [11, р. 23]. Исходя из этого читатель будет думать, интересно ли ему будет познакомиться с конкретным произведением или же захочет обойти тему смерти и прочесть нечто более легкое.

В качестве примера можно привести детективный роман, в названии которого часто фигурирует характерная танатологическая лексика. В качестве примера можно привести список романов А. Кристи, английской писательницы, работающей преимущественно в детективном жанре, где, как правило, главному герою приходится раскрывать таинственные убийства, совершенные неизвестным преступником: «Убийство на поле для гольфа», «Убийства по алфавиту», «Убийство в Месопотамии», «Убить легко», а также ряд других произведений писательницы.

Названия романов А. Кристи часто содержат в себе лексему «убийство», что помогает потенциальным читателям понять, что речь в произведении будет идти о неестественной смерти и криминальной мотивации совершенного убийства.

Танатологические мотивы также отражаются в характерных названиях для романов в жанре ужасов. «Особенно актуально это для романов, которые строят преимущественную часть сюжета, направленного на то, чтобы испугать зрителя с помощью сверхъестественных феноменов» [10, р. 83]. В качестве примера можно привести романы К. Баркера «Восставший из ада» и работу Ш. Джексона «Призрак дома на холме». Из названия обоих произведений становится сразу понятно, что мистика будет играть ключевую роль в продвижении сюжета, а главные герои будут находиться в опасной для жизни ситуации и им придется дать отпор неким паранормальным существам, чтобы не умереть.

Однако танатологические мотивы можно обнаружить не только в названиях произведений, чьи сюжетные линии способны нести исключительно развлекательный и, своего рода, зрелищный характер. В названии романа белорусского писателя В. Быкова «Мертвым не больно» присутствует танатологическая лексема «мертвец», однако зная проблематику творчества данного автора, читателю будет несложно догадаться, что это не легкая литература, а тяжелое произведение о последствиях войны и о смерти солдат на поле боя.

В качестве очередного примера менее развлекательной и более глубокой литературы, в названии которой фигурирует танатологическая лексика, можно привести роман бразильского писателя П. Козльо «Вероника решает умереть». Из названия становится понятно, что персонаж

романа Вероника захочет лишить себя жизни, а в самом романе будет фигурировать концепт противопоставления жизни и смерти. Действительно, главная героиня романа бразильского автора переживает депрессию и решает покончить жизнь самоубийством, однако попытка эта оказывается неудачной и к концу романа Вероника ценит жизнь и безусловно рада тому, что ей не удалось лишить себя жизни.

Во всех вышеуказанных произведениях смерть, в большей или меньшей степени, выступает в роли сюжетного импульса. Убийство в детективных романах является завязкой повествования и заставляет человека хотеть дочитать произведение, чтобы узнать личность преступника. В жанре ужасов танатологический мотив в роли сюжетного импульса раскрывается в желании персонажей противостоять потусторонним силам, чтобы сохранить свою жизнь.

Романы, чье повествование является более приземленным и близким для большинства читателей, используют концепт смерти в рамках тем, являющимися близкими для человека, которые будут знакомиться с их произведением, такими как непрерывная борьба за выживание в военное время или желание лишить себя жизни из-за личных проблем.

Итак, на сегодняшний день имеется несколько типологий танатологических мотивов, взаимодополняющих друг друга и выделяемых в зависимости от их семантики, структуры и способов функционирования. Танатологические мотивы обладают мощным сюжетно-генерирующим потенциалом. Их природа определяется мифологическими источниками, а также интертекстуальными возможностями, которые позволяют проанализировать способы реализации одного и того же мотива в разных литературных контекстах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гармаш, Л.В. Танатологические мотивы в романах русских символистов: Ф. Сологуб, В.Я. Брюсов, А. Белый: дис. д-ра филолог. наук: 10.01.02 / Л.В. Гармаш. – Харьков, 2015. – 387 л.
2. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – СПб.: Азбука, 2019. – 608 с.
3. Зелезинская, Н.С. Сближение некоторых шекспировских ситуаций через концепт самоубийства / Н.С. Зелезинская // Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/188363>. – Дата доступа: 10.05.2020.
4. Женетт, Ж. Фигуры: в 2 т. / Ж. Женетт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
5. Красильников, Р.Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа / Р.Л. Красильников – Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. – 140 с.
6. Красильников, Р.Л. Русская литература XX-XXI веков: Проблемы теории и методологии изучения / Р.Л. Красильников // Танатологические и эротологиче-

ские мотивы в рассказе Л.Н. Андреева «Елеазар» / Р.Л. Красильников. – М., 2006. – С. 46 – 53.

7. Красильников, Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе: автореф. дис. д-ра филолог. наук: 10.01.08 / Р.Л. Красильников; Моск. гос. ун-т им. Ломоносова. – М., 2011. – 56 с.

8. Мухамедьянов, С.А. Человеческая смерть: Социально-философский анализ: автореф. дис. д-ра. философ. наук: 09.00.11 / С.А. Мухамедьянов– М., 1999. – 19 с.

9. Field, D. Death, Gender and Ethnicity / D. Field. – London: Routledge, 1997. – 90 p.

10. Gelder, K. The Horror Reader / K. Gelder. – Abingdon, UK and New York: Routledge, 2000. – 432 p.

11. Teodorescu, A. Death Within the Text / A. Teodorescu. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – 302 p.

МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ НА БАЗЕ ОБЛАСТИ-ИСТОЧНИКА ‘ПРЕДМЕТ БЫТА’

SEMANTIC DERIVATION MODELS ON THE BASIS OF THE SOURCE DOMAIN ‘HOUSEHOLD ITEM’

Е.В. Хомцова

E.V. Khomtsova

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: khamtsova@bsu.by

В данной статье рассматриваются существительные, образованные путём семантической деривации на основе значения ‘предмет быта’ в русском, белорусском и английском языках. Формирование переносных значений отобранных единиц происходит на основе метафорических моделей. В статье также определены случаи сходного семантического развития лексем в английском, русском и белорусском языках одновременно в соответствии с данными толковых словарей и корпусов текстов.

This article deals with the studying of nouns formed by semantic derivation based on the meaning ‘household item’ in the Russian, Belarusian and English languages. The formation of the figurative meanings of the selected words is based on metaphorical models. There are described some cases of similar semantic development of words in Russian, Belarusian and English in accordance with the data of dictionaries and text corpora.

Ключевые слова: предмет быта; артефакт; область-источник; семантический перенос; модель семантической деривации.